

ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В БЕЛОРУССКОЙ МЫСЛИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Одним из важнейших этапов становления национальной культуры и самосознания белорусского народа было XVI столетие – эпоха отечественного Возрождения и Реформации, которая обусловлена развитием городов, раннебуржуазных элементов в экономике, формированием основ интегрированной белорусско-украинско-литовской государственности, развитием национального языка и литературы, нового, христианско-гуманистического мировоззрения, опиравшегося на усвоение и переосмысление достижений античности, средневековья, восточнославянских и западноевропейских религиозно-культурных традиций. Период первой половины XVI столетия, или раннего Возрождения, отмечен творческой деятельностью Ф.Скорины и Н.Гусовского.

У истоков отечественной ренессансной гуманистической мысли и национального самосознания стоял выдающийся белорусский мыслитель, основоположник восточнославянского книгопечатания, переводчик Библии Франциск Скорина. В предисловиях к библейским книгам он наиболее полно выразил идеал национальной жизни белорусов, основными компонентами которого являются конкретная Родина (“славный город Полоцк”, “место, игде зродился и ускормлен суть”) и культура народа – его язык, история, традиции и т.п. Священное писание рассматривалось мыслителем не только как средоточие божественной мудрости, высокой духовности, светского знания, идеальной нравственности, подлинной религиозности, законопочитания, гражданственности и человеческого достоинства, но и в качестве источника национально-культурного обновления и Возрождения. “В сей книзе, – писал Скорина в предисловии “Во всю Бивлию рускаго языка”, – всее прироженое мудрости зачало и конец; бог вседержитель познаван бываеъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справовати ся имеют, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне знойдете. Ту навчение филозофии добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближнего для Бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодю посполитое доброе помножено бываеъ. Ту навчение седми наук вызволених достаточное” [8, с. 46]. Скорина избирателен в отношении библейского текста, трактуемые сюжеты ветхозаветной истории служат ему основой для постановки национальных задач и выражения национальных общественных интересов белорусского народа.

Существенной чертой мировоззрения Скорины является патриотизм с ярко выраженной национально-гражданской окрашенностью.

С наибольшей определённой и силой он заявлен при осмыслении библейского сюжета об Иудифи. Героиня смогла привлечь своей красотой персидского полководца-завоевателя Олоферна и, пробравшись в его шатёр, обезглавила

врага, спася тем самым свой город и свой народ от порабощения: “для высвобождения отчизны, взор на себе мужем даючи, не лютовала ест живота своего” [8, с. 49]. Преданность своему народу, готовность к самопожертвованию во имя Родины возводится Скориной в ранг высших гражданских добродетелей. Самопожертвование во имя Родины и народа освящено и божьим благословением. Иудифь “непобедимого от людей победила”, поскольку и “господь бог для доброго умыслу ея помог ей” [8, с. 45].

Скорина полагает, что дана “нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом, ., в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали”. Иудифь “**для места рожения своего** (выделено нами. – В.С.) выдала ест живот свой на небеспеченство”. Скорина доводит до сознания читателя мысль о беззаветном служении Родине, своему народу, доказывает, что гражданская обязанность каждого человека – служить общему благу, благу своего народа, защищать отечество от врагов и, если потребуется, отдать за него и саму жизнь. В предисловии к книге “Иудиф-вдовици” содержатся и известные проникновенные, золотые строки признания любви к родине, по сути – патриотическое кредо писателя: “Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знають ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускармлиены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають” [8, с. 45].

Служению “посполитому доброму”, “людем простым посполитым”, “своему прироженому рускому языку” была посвящена и собственная жизнь и деятельность белорусского просветителя. Это им неоднократно подчёркивалось во всех предисловиях и послесловиях к издаваемым книгам: “а то для того, абы братия моя русь, люди посполитые, чтучи могли лепей разумети”, др. [8, с. 37, 56 и т.д.].

С проблемой национального самосознания Скорины связан вопрос о языке и лексической основе его изданий. Существуют различные оценки скорининского лексического наследия: его язык трактуется как церковнославянский, белорусский, церковнославянский язык в белорусской редакции. Не вдаваясь в детали дискуссии, отметим огромную значимость введения Скориной в литературное употребление большого числа белорусизмов, грамматических форм и лексических средств живого белорусского языка, что делало текст Библии понятным и доступным демократическому “простому”, светскому читателю, “людем посполитым рускаго языка”, способствовало становлению национальной белорусской литературы. Дальнейшее продолжение процесс развития белорусского литературного языка получил в творчестве С.Будного, В.Тяпинского, С.Зизания, Л.Карповича, М.Смотрицкого и других писателей второй половины XVI – XVII вв.

Скорина несомненно выступает как национальный христианский просветитель. Отмечая побудительные мотивы своей переводческой и книгоиздательской деятельности, мыслитель неоднократно указывал, что его работы служат “похвалде створителю”, “богу во троици единому ко славе”, “богу ко чти”, что он стремится “делом показати веру хрестианскую”, которая “без дел мертва ест”. Свою конкретную задачу белорусский просветитель видел прежде всего в “навчении” родного народа, приобщении его к “науце всего доброго”: “Пожиточны же суть сие книги чести всякому человеку... наболей тым, они же хотят имети добрые обычае и познати мудрость и науку...” [8, с. 22]. Знание и образование в глазах Скорины являются основой моральных добродетелей человека, выступают необходимым условием нравственно прекрасной жизни. Скорина ориентирует белорусского читателя на просвещение, познавательную деятельность, “абы, научившись мудрости,

добре живучи на свете, милостивого бога хвалили...". Убеждает, что "без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно почтивие жити людем посполите на земли" [8, с. 22]. Наследуя высокие идеалы христианского просветительства и книжности, заложенные в отечественной культуре и мысли творчеством Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, Скорина их национально конкретизирует и в значительной степени секуляризирует. Он не ограничивает мудрость религиозно-богословским знанием, полагая, что в Библии изложена не только "божественная" (Соломонова), но и "житейская" (Аристотелева) мудрость, что мудрец должен быть исполнен "духа святого и философий" [8, с. 24, 23].

Этика Скорины утверждает идеал гражданственной, бого- и законопослушной, национально ориентированной личности. Признавая основные постулаты и ценности христианского учения, не сомневаясь во всемогуществе Творца, существовании бессмертной души и загробного мира, не отрицая необходимости богопознания, Скорина в то же время ориентирует читателя на земную, реальную жизнь, познание "самого себе" и всего того, как "имамы справовати и жити на сем свете" [8, с. 20, 21]. Эти и другие мировоззренческие установки мыслителя (нетрадиционная библейская экзегетика, стремление к синтезу евангельского учения и некоторых идей античной и ренессансно-гуманистической этики, теологии и светского научно-философского знания и т. п.) позволяют рассматривать его этические взгляды в контексте такого идейно-философского течения Возрождения, как "христианский гуманизм" [5, с. 133].

Универсальным этическим принципом Скорины является "прироженный" нравственный закон, запечатленный "в серци единого кажного человека": "то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хоцещи от иных имети" [8, с. 62]. Справедливость у мыслителя неразрывно связана с человеколюбием ("братолюбием" и "друголюбием") как наивысшей добродетелью, без которой "ничто проспешно ест" [8, с. 112]. На основе этих критериев должны, по убеждению Скорины, строиться не только нравственные взаимоотношения, но и политическая и правовая жизнь и, что особенно важно, общественная "згода", или социальная стабильность. Политическим идеалом у него выступает мудрая, просвещенная и справедливая государственная власть. Идеальный правитель наделяется чертами набожности, образованности, чуткости и доброжелательности в отношении своих подданных, уважения к законам своей страны. Писаное право должно служить "посполитому доброму", основываться на моральных нормах, обычаях и нравах народа. Необходимо, чтобы закон был "почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле прирожению, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий" [8, с. 64].

Общее благо народа и страны, "всякого собрания людского и всякого града" покоится, по убеждению Скорины, на сохранении гражданского мира и согласия ("ласки" и "згоды"). Благодаря согласию "все доброе всякому граду и всякому собранию приходит", а "незгода... и наибольшие царства разрушает", конец света будет ознаменован тем, что "востанеть язык на язык и царство на царство..." [8, с. 111, 69]. Поэтому нужно "жити во добрых обычаях, во соединении веры, вспомагающе друг друге со всякою любовию..." [8, с. 115, 116]. Эта скоринская идея созвучна патриотическому пафосу "Слова о полку Игореве" и "Повести временных лет". Она являлась чрезвычайно важной в условиях политичности и поликонфессиональности ВКЛ, оказывала позитивное воздействие на отечественную общественно-политическую жизнь, гармонично согласовывалась со стремлением просветителя служить "общему благу", интересам народа в целом, всем "людем посполитым" независимо от социальной и религиозно-конфессиональной принадлежности.

Одним из дискуссионных аспектов национального самосознания Скорины является его конфессионально-мировоззренческая ориентация. Не вызывает сомнения то, что мыслитель не представлял высоконравственной жизни вне христианской религии, его искренняя вера выявляется во всех комментариях к издаваемым “з божиею помощію” трудам. Вместе с тем христиански-гуманистическое осмысление Скориной проблемы человека, неординарный подход к интерпретации библейских сюжетов, недостаточность биографических сведений обусловили неоднозначное истолкование его вероисповедной принадлежности (православный, католик, униат, протестант). Полагаем, что более близки к истине те исследователи (В.И.Пичета, М.Грушевский, Н.О.Алексютрович, С.Брага, С.А.Подокшин, др.), которые считают необходимым рассматривать конфессионально-мировоззренческую ориентацию Скорины в общехристианском контексте религиозной и культурно-просветительской деятельности, лишённой фанатизма, узкого конфессионального догматизма и строгой церковности. По мнению ряда учёных, она выдержана в духе веротерпимости. Ещё Е.Ф.Карским было отмечено, что “переводы Фр.Скорины и его продолжателей... не преследовали каких-либо конфессиональных целей: желание их было только принести пользу своему народу” [3, с. 30]. По мнению С.А.Подокшина, Франциск Скорина, ориентируясь на православного читателя, в то же время не связывал себя жёстко с определённой конфессией и по сути дела ратовал за свободный диалог всех христианских направлений [6, с. 79 – 80]. Об этом свидетельствует отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полёмики, апелляция ко “всякому человеку”, “ко всем верующим во Христа”, “людём всем”; типичность формул “нам, хрестияном”, “нас всех хрестиян”, “хрестиянство наше”, “каждый хрестиянин”.

Национальное самосознание Скорины проявлялось и в его этнической самоидентификации. В акте Краковского университета о присвоении степени бакалавра Скорина записан как “Франциск из Полоцка, литвин” (“Litphanus”). Документы Падуанского университета и протокол епископской курии об экзамене на степень доктора медицины несколько раз называют его “русином” (“Ruthenus”): “Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, русин” и т.п. [9, с. 584-586; 10, с. 63 – 74]. По мнению В.А.Чемерицкого, есть основание полагать, что последнее определение является эндоэтнонимом, или собственной национальной самоидентификацией Скорины, что запись была сделана со слов самого полочанина [7, с. 79]. Маловероятно, что национальность экзаменуемого могла быть определена чиновниками канцелярии Падуи, поскольку для итальянцев он был, как сообщает другой фрагмент выше упомянутого документа, “родом из очень отдалённых стран, возможно, за четыре тысячи миль и более от этого славного города...”. Напротив, в Кракове Полоцк был хорошо известен и название “литвин” было употреблено в качестве политонима, то есть подчёркивало гражданство Скорины, то, что он был выходцем из союзного Польше Великого княжества Литовского. В памятниках отечественной мысли Скорину называли “русином”. “Задолго до предков ваших, – писал в 1622 г. униатский митрополит А.Селява в обращенном к православным “Антиэленхусе”, – Русь была хорошо отравлена... был Скорина, еретик гуситский, который для вас книги по-русски печатал в Праге... называл себя русином из Полоцка, так и подписывался. Нравились эти издания, утверждали, что напечатал их человек достойный, русин, брат наш” [цит. по: 4, с. 15 – 16].

“Русская” самоидентификация фиксируется в текстах самого Франциска Скорины. “Нарожены в руском языке”, он предназначал “Бивлию рускаго языка” “людём посполитым рускаго языка”, “своему прироженому рускому языку”; издавал книги “по-русски”, “русскими словами”, чтобы “братия моя русь... могли

лепей разумети" [8, с. 70, 45, 76, 71, 52, 18, 37 и др.]. Возникает вопрос, кого имел в виду Скорина, говоря о "людях рускаго языка", какой смысл вкладывал он в понятие "братия моя русь"? Существует мнение, что всех восточных славян. Несомненно, что скорининские библейские переводы объективно соответствовали духовным потребностям и белорусского, и русского, и украинского народов, объединённых общностью исторического происхождения, вероисповедания и близостью языка [2, с. 53], что Скорине была присуща идея генетического родства восточных славян [5, с. 244]. Названия "Русь", "русины", "русские" использовались в рассматриваемое время всеми восточнославянскими народностями, в том числе белорусами, под влиянием традиций этнонимии и политонимии, восходящих к эпохе Киевской Руси. В широком плане эти названия могли относиться ко всему (в конфессиональном отношении главным образом православному) населению Восточной Славии. В то же время в реальной литературной практике определение "Русь" и созвучные понятия наши предки чаще всего применяли в более узком значении, а именно в отношении белорусско-украинских земель, главным образом региона Подвинья и Поднепровья. Важно также учитывать, что средством национальной самоидентификации для самого Скорины наряду с родным языком служило место рождения, "игде зродилися и ускармлены суть по бозе". Он постоянно и с гордостью напоминает на титульных листах, в предисловиях и послесловиях выпускаемых книг о своём полоцком происхождении: "Я, Францишек, Скоринин сын с Полоцъка"; "из славнаго града Полоцка"; "працею ученаго мужа Франциска Скорины из славнаго града Полоцка" и т.п. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о собственно белорусской национальной самоидентификации Скорины, тесно связанной с локальным (земляческим) самоопределением.

Процесс становления национального самосознания белорусов получил отражение в творчестве современника Франциска Скорины – Николая Гусовского, прежде всего в созданной в 1521 – 1522 гг. в Риме поэме "Песнь о зубре", призванной способствовать лучшему ознакомлению Западной Европы с прошлым и настоящим Великого княжества Литовского. Образ зубра – хозяина пуши, могучего лесного великана – ратоборца – использован поэтом как символ далёкой родины и своего свободолюбивого, мужественного, но миролюбивого народа: "не тронь его – не затронет" [1, с. 59]. Автор воспекает красоту родной земли, гордится огромными природными богатствами "края благодатного", где "трепетным листом шуршат вековые дубравы", где леса – "кладзь бездонный богатства, благо страны", где "почвы богатые", где "на лугах – табуна скакунов быстроногих" [там же, с. 60 – 61]. В то же время, полагает Гусовский, над родиной постоянно висит угроза военного вторжения, "турок жестокий несчастный народ истребляет, в храмах беснуется, жжёт города и деревни", правители же погрязли в раздорах, думают не о "благе народном", а о том, "лишь бы править, своё удержать превосходство" [там же, с. 66 – 67]. "Возбуждённая совесть и разум" не позволяют автору молчать, он призывает христианский мир к сплочению перед османской угрозой, несущей "жестокое иго нашим соседям, и нам, и далёким народам". Мечтая о мире и счастье для своего народа и страны, Гусовский взывает к совести "земных повелителей", убеждает их прекратить играть "судьбами люда", остановить ослаблявшие страну и разрушавшие государство "кровавые войны усобиц", "вражду", "распри", "междоусобные войны" и "братоубийства" [там же, с. 65 – 66]. Помыслы государей должны быть направлены, по мнению Гусовского, "больше на доблесть духа, чем на силу тела", на развитие науки и просвещения. Если в стране "выдающиеся умы испытывают всяческое неуважение", то это чревато бедой "для государства", о чём свидетельствует история древних греков и римлян. Наиболее могущественными их

страны были тогда, когда “расцветали науки”. Когда же “начали исчезать таланты, силы упали, а с падением последних обрушилась их держава” [там же, с. 57]. Обращает на себя внимание то значение, которое Гусовский придавал роли государства, государственности в исторических судьбах народа. Именно эта идея лежит в основе восхваления им фигуры великого князя Витовта. Из текста поэмы следует также, что огромную роль в жизни народа и отечества он отводил культуре, предшествующей традиции. Это делает его мировоззрение созвучным идеалам Скорины, хотя собственно национальная, белорусская тенденция в его творчестве выражена слабее, чем у Скорины [5, с. 239].

Таким образом, в период раннего Возрождения, в общественно-философском творчестве Франциска Скорины и Николая Гусовского формируется ряд основополагающих идей и ценностей национального бытия – гуманизм в духе христианской этики, высокая нравственность и интеллектуализм, просветительство, законопавие, гражданский мир и согласие, толерантность, славянская солидарность, уважение достоинства, гражданских и национально-культурных прав человека, доходящий до готовности к самопожертвованию патриотизм, деятельное служение “общему благу”, забота о развитии отечественной культуры, родного языка, ценность природной среды обитания и др. Они получили развитие в ренессансно-гуманистической мысли Беларуси второй половины XVI – нач. XVII вв., сохранили свою актуальность в последующее время и прочно вошли в арсенал современного национального самосознания белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР. – М., 1986.
2. *Каўка А.* Тут мой народ: Францішак Скарына і беларуская літаратура XVI – XX ст. – Мн., 1989.
3. *Карский Е.Ф.* Белорусы. – Петроград, 1921. – Т.3. Очерки словесности белорусского племени. – Ч.2: Старая западно-русская письменность.
4. *Немировский Е.Л.* Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. – Мн., 1990.
5. *Падокшын С.А.* Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. – Мн., 1990.
6. *Падокшын С.А.* Франциск Скорина. – М., 1981.
7. Полацк: карани нашага радавода. – Полацк, 1996.
8. *Скарына Ф.* Творы. – Мн., 1990.
9. Франциск Скорина и его время: Энцикл. Справочник. – Мн., 1990.
10. Франциск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Мн., 1988.